
ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

I.A. Doroshin
**Violence and Religion:
Social Horizon and Risks
of Legislative Initiative**

The article details the bill "On Amendments to Article 16 of the Federal Law 'On Freedom of Conscience and Religious Associations' and the Code of Administrative Offences" (in terms of regulating the order of performing religious rites associated with violent acts against humans or animals). The initiative of the expulsion from the public space of mass religious events playing a vital role in the cultural codes is analyzed.

Key words and word-combinations: religion, law, freedom of conscience, religious mass prayer ceremonies.

Рассматривается законопроект «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части регулирования порядка совершения религиозных обрядов, сопряженных с насильственными действиями в отношении человека или животного)». Анализируется инициатива исключения из публичного пространства массовых религиозных событий, играющих важнейшую роль в культурных кодах.

Ключевые слова и словосочетания: религия, закон, свобода совести, массовые религиозные молитвенные обряды.

УДК 342.4(470)+343.22/23
ББК 67.400.4+67.408.010

И.А. Дорошин

НАСИЛИЕ И РЕЛИГИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ И РИСКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ*

Социально-философский дискурс и религиозно-философские школы, как правило, не касаются вопроса сущностной связи социальных горизонтов насилия и религиозных норм. Западноевропейская социальность достаточно четко оберегает память о религии от вопросов о насилии: «Спрашивая, насколько воинственна или миролюбива та или иная религия, мы словно не замечаем того, что насилие исходит от нас, людей... вопрос о религиозном насилии является прежде всего человеческим вопросом, социальным и антропологическим вопросом, а вовсе не религиозным» [1]. В связи с этим показателен случай, отразивший столкновение параллельных социальных и затронувший саму суть проблемы.

* Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01216.

В автоматизированной системе обеспечения законодательной деятельности «находится на рассмотрении» документ, который ставит вопрос насилия в религиозном акте: законопроект № 161207-6 «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части регулирования порядка совершения религиозных обрядов, сопряженных с насильственными действиями в отношении человека или животного)» [2]. Пожалуй, так вопрос об амбивалентности всякого религиозного действия ставится впервые. Комитет Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, считая, что указанный законопроект соответствует ч. 3 ст. 104 Конституции РФ и ст. 105 Регламента Государственной Думы, предложил принять его к рассмотрению [3]. Статья 1 проекта Федерального закона касается изменения ст. 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4]: «Внести... изменение, дополнив ее пунктом 2.1: Молитвенный обряд, а также религиозные обряды, сопряженные с *насильственными действиями в отношении человека или животного* беспрепятственно совершаются в культовых зданиях и сооружениях, местах и объектах, специально предназначенных для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества), в учреждениях и на предприятиях религиозных организаций, а также в жилых помещениях. В иных местах совершение молитвенного обряда, а также религиозных обрядов, сопряженных с *насильственными действиями* в отношении человека или животного осуществляется в порядке, установленном нормативно правовыми актами субъектов Российской Федерации». Написать отзыв на законопроект без пояснительной записки было невозможно. Инициатива напомнила задачу, которую обсуждал еще М. Фуко: «...Изгнать религиозный обряд...» [5, с. 215].

Проект был рассмотрен в комитете общественных связей и национальной политики Правительства Саратовской области, было решено направить запрос на профильную кафедру теологии и религиоведения СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Доцентом кафедры И. Дорошиным было дано следующее заключение:

1. Представляется некорректным использование формулировки «насильственные действия в отношении человека» при осуществлении «молитвенных обрядов». Подобная формулировка дискредитирует прежде всего традиционные религии для Российской Федерации, подчеркивая, что в культовых зданиях и специальных сооружениях насилие допустимо и является нормой. Это противоречит духу и характеру всех традиционных религий. Формулировка «насильственные действия» является настолько широкой, что под нее могут подходить и действия, влекущие за собой привлечение к уголовной ответственности, и массовое молитвенное шествие, санкционированное в установленном законодательством порядке.

2. Насилие, применяемое в отношении участников религиозного события, ограничено действующим УК РФ. Действие, расцененное как насилие в отношении окружающих граждан, оказавшихся свидетелями события, ограничено действующим законодательством (УК РФ, КОАП), регулируется согласно п. 5. ст. 16.5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных организациях», нормами Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях,

шествиях и пикетированиях» и не требует дополнительных ограничений. Информация, вызывающая у детей страх, ужас или панику официально относится к информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей (ст. 5 п. 3 Федерального закона № 436 от 29 декабря 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

3. Согласно п. 2 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных организациях» беспрепятственное проведение религиозных обрядов, церемоний и богослужений гарантировано государством, кроме установленных мест, «в иных местах, предоставленных религиозным организациям для этих целей».

4. Согласно пояснительной записке депутатов И.В. Лебедева и С.В. Иванова к проекту Федерального закона «...события последних лет, проведение ряда религиозных обрядов нарушает и ущемляет права граждан, например совершение молитвенного обряда во время празднования крупных религиозных праздников, сопряженных с большим количеством верующих... Совершение массового молитвенного обряда создает угрозу жизни и здоровью населения, не только из-за стихийности, но и в следствие того, что осложняет работу оперативных служб (полиции, скорой помощи, МЧС и т.д.)». Под подобное определение «молитвенных обрядов» подпадает ряд массовых мероприятий, традиционных для мировых религий (крестный ход и другие события).

5. Традиционные массовые религиозные молитвенные обряды действительно могут быть сопряжены с угрозой здоровью участников (как случайным событием) или причинить беспокойство лицам, которые придерживаются иных идей, что тем не менее не является основанием для квалификации в законодательной норме как «насилия в отношении человека» (обязательное событие). Свобода собраний, закрепленная в ст. 11 Конвенции, защищает демонстрации, которые могут причинить беспокойство либо нанести оскорбление лицам, придерживающимся придерживаются противоположных идей или требований (см. *mutatis mutandis*, Станков против Болгарии, № 29221.95 и 29225/95, п. 90).

6. Предложенная формулировка «Молитвенный обряд, а также религиозные обряды, сопряженные с насильственными действиями в отношении человека или животного беспрепятственно совершаются в культовых зданиях...» в случае принятия может привести к эскалации религиозной розни и экстремизма, ущемлению и нарушению прав верующих граждан.

7. Тем не менее действительно правовое содержание терминов «религиозные обряды и церемонии» (п. 16.2) не раскрыто в нормах действующего законодательства; жертвоприношения животных должны совершаться в специальных местах. В соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о собраниях проведение религиозных обрядов и церемоний регулируется Законом о свободе совести. Но согласно п. 5 ст. 16. Закона о свободе совести «в иных случаях публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций». Таким образом, сегодня в законодательстве сохраняется противоречие, когда законы содержат ссылки на другие законы.

По итогам рассмотрения в комитете общественных связей и национальной политики Саратовской области был подготовлен ответ следующего содержания:

«Представляется некорректным использование формулировки “насильственные действия в отношении человека” при осуществлении “молитвенных обрядов”. Такая формулировка дискредитирует прежде всего традиционные религии для Российской Федерации, подчеркивая, что в культовых зданиях и специальных сооружениях насилие допустимо и является нормой. Это противоречит духу и характеру всех традиционных религий. Формулировка “насильственные действия” является настолько широкой, что под нее могут подходить и действия, влекущие за собой привлечение к уголовной ответственности, и массовое молитвенное шествие, санкционированное в установленном законодательством порядке».

Комитет Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству после рассмотрения в части вопросов своего ведения на заседании Комитета 18 января 2013 г. внесенного проекта также заявил, что не поддерживает предложенную редакцию законопроекта: «...не ясно, что будет пониматься под нарушением установленного порядка совершения молитвенного обряда, а также не раскрывается понятие “насильственных действий в отношении человека или животного и т.д.”» [6]. Комитет Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций дал также отрицательный отзыв: «Полагаем необходимым отметить, что правонарушения, связанные с насильственными действиями, предусматривают установление уголовной ответственности, не предусмотрено, кто будет составлять протоколы, а также рассматривать дела... следует также отметить, что в законодательстве Российской Федерации не употребляется термин “молитвенный обряд”» [7].

Что касается географии отзывов то количество законодательных собраний, активно реагирующих на вопросы свободы совести, оказалось небольшим [8]. Рассмотрев проект, Парламент Кабардино-Балкарской Республики постановил – не поддерживать, отметив в отзыве терминологическую путаницу и неопределенность в соотношении вводимого законопроектом термина «молитвенный обряд» и используемого в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» термина «религиозный обряд». Законодательное Собрание Ульяновской области также приняло решение не поддерживать, как и Законодательное Собрание Вологодской области, которое посчитало невозможным поддержать проект. Таким образом, количество законодательных собраний, активно реагирующих на вопросы свободы совести, невелико. Положительный отзыв оказался только один. Дума Астраханской области пятого созыва решила инициативу поддержать. Встает вопрос о том, что же вызвало сомнение практически всех, кто ознакомился с документом.

Данным законопроектом согласно Пояснительной записке предлагается установить особый порядок для совершения молитвенных обрядов и обрядов, связанных с жертвоприношением животных, иными насильственными действиями. «В действующем законодательстве отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность за нарушение установленного порядка, проведения религиозных обрядов, церемоний и богослужений», но необходимо ли конкретизировать религиозность или нерелигиозность массового события? Возможно, в масштабах нашей государственности это может стать основанием для ухудшения правового статуса верующих. Массовые события и крестные ходы, массовая молитва на улице, если в мечети не хватает места, – это грани религиозных

цивилизаций. Цивилизационная граница, несомненно, – пространство риска, даже если она пролегает по пути вашего следования на работу. Применение норм административного права, предусматривающих ответственность за нарушение порядка, установленного для проведения митингов, шествий и демонстраций, в отношении религиозных обрядов ограничено, так как они не учитывают особенности регулируемых отношений. В тексте, впрочем, не указано, какие особенности, отличающие религиозное шествие от нерелигиозного, необходимо учитывать. Все указанные варианты «насилия» в записке отличают в той же степени любое шествие. Seriously отличается масштаб религиозных событий в современной России от иных массовых мероприятий. О размахе, естественно, ничего не говорится в записке. Многодневное стояние к поясу Богородицы в Москве, по словам А. Архангельского, показало, что «в современной России много России» [9]. Возможно, как считают аналитики [10], этот страх и стал причиной развернутой информационной эпопеи вокруг Русской Православной Церкви и Патриарха в 2013 г. Слишком невероятное количество «демонстрантов» представляет Церковь – число людей, в разы превышающее количество участников всякой политической акции.

Далее авторы записки поясняют, что «...проведение ряда религиозных обрядов ущемляет права граждан, например, совершение молитвенного обряда во время празднования крупных религиозных праздников, сопряженных с большим количеством верующих». Причина указана следующая – перекрытие транспортных и пешеходных потоков, резкое увеличение плотности потоков на подходах к месту проведения молитвенного обряда «...вызывает в обществе социальную напряженность на религиозной почве». Всякая ли ситуация риска должна приводить к запрету? Не являются ли подобные противоречия, наоборот, симптомом выздоровления, условием развития, в случае масштабных религиозных событий – нравственного возрождения? Не понятно, почему верующие должны вести себя так, чтобы ими были довольны неверующие: «Граждане, не принимающие участия в совершении религиозного обряда, возмущены ограничениями, возникающими в связи с проведением данного обряда, а верующие тем, что им мешают совершать молитвенный обряд». Религиозный призыв к нравственному возрождению, как правило, воспринимается враждебно и скандално. Слово «скандал» апостолы, например, прилагают сами к своей проповеди [11]: «Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн (укъндблпн), а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1, 23). Для религиозного поведения характерно принятие риска, а не уход от амбивалентных ситуаций. Тем не менее возможна и обратная ситуация, когда иначе как специальной поддержкой проблемы не решить: «Решающая роль в межрелигиозном диалоге принадлежит государственной власти, которая должна законодательно закрепить правовой и культурный статус религий в соответствии с социальным фактором и вкладом в историко-культурное наследие страны» [12, с. 215].

«Нарекания в обществе также вызывают и обряды, связанные с жертвоприношением животных, проводимые на улицах городов, на глазах простых граждан, в том числе и детей», указывают авторы пояснительной записки. Речь идет, несомненно, о случаях жертвенного забоя животных на улицах крупных городов, где мечети могут не иметь необходимой территории [13].

Действующий Закон о свободе совести уже содержит норму, действующую при проведении уличных религиозных обрядов. Представляется также, что фор-

мулировки проекта не согласуются с п. 2 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных организациях»: «Богослужения, другие религиозные обряды и церемонии беспрепятственно совершаются... *в иных местах*, предоставленных религиозным организациям для этих целей...». В п. 5 ст. 16 Закона о свободе совести: «...в иных случаях публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций». Но в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о собраниях проведение религиозных обрядов и церемоний регулируется Законом о свободе совести. Таким образом, здесь сохраняется противоречие, при котором законы содержат отсылки друг к другу [14]. Возможно, именно это и пытаются исправить авторы проекта о насилии над человеком и животными.

Один из авторов проекта – заместитель Председателя Госдумы и руководитель Высшего Совета ЛДПР – Игорь Лебедев заявил ИА Islam News: «...Мы ничего не легализуем и не запрещаем. Мы постарались максимально расширить формулировку, чтобы охватить любые возможные обряды, которые способны шокировать простого гражданина. Эти обряды не должны становиться предметом всеобщего обозрения – вот и все» [15]. По мнению В.Б. Устьянцева, современный город становится пространством высочайшей концентрации рисков [16, с. 30].

В законопроекте есть тем не менее рациональная часть – жертвоприношения животных в условиях городской жизни должны совершаться в специальных местах, вдали от глаз прохожих, тем более детей. Чем руководствовались депутаты, вносявшие законопроект с формулировкой «религиозные обряды, сопряженные с насильственными действиями в отношении человека»? Закон о насилии над животными при публикации журналисты оценили бы однозначно – закон против мусульман, поскольку кроме них в жертву животных приносят в городах разве что язычники и сатанисты, но делают это как раз «в специально отведенных местах». Думается, что в современной России отдельный закон, специально ограничивающий практику ислама, невозможен.

Конечно, «дух и характер» традиционных религий, сомнение во фразе «молитвенный обряд» и прочих формулировках – это нормально для юриста, но совершенно не убедительно для философа. При первом приближении возникают сомнения относительно того, где проходит граница, которая отделяет насилие от ненасилия в духовной коммуникации. Насилие – это принуждение людей к принятию определенных условий или к какому-то поведению с помощью (чаще всего воображаемого) разрушения их биологической или психической жизни либо с помощью угрозы такого разрушения [17, с. 54]. Массовые религиозные шествия предполагают, скорее, ненасильственные действия, «...в ходе которых действующее лицо *остается в конфликтной ситуации*, то есть не отказывается от борьбы за какое-то благо, но избегает при этом и уничтожения противника... ненасильственные действия – это последовательное в этическом отношении поведение, направляемое отчетливым моральным идеалом, основанным на уважении и любви к противнику...» [17, с. 55]. Кажется, определение А. Гжегорчика вполне удовлетворяет описанию, например, «стояния к поясу Богородицы», массового крестного хода и т.п.

Совершенно ясно, что мы живем при режиме власти, которая налагается посредством насилия, даже если орудия этого насилия являются институцио-

нальными и конституционными [5, с. 118]. Дискурс такого типа не стремится судить историю, несправедливые правительства, злоупотребления и насилия с идеальной, по сути, точки зрения закона, наоборот, под образами институтов систем законодательства вновь «пробуждает засохшую в кодексах кровь» [5]. Другими словами, данный дискурс и критичен, и мифичен – в законодательной инициативе депутатов от фракции ЛДПР явно есть и то, и другое.

Итак, «...борьба за право на неколонизированное пространство...» [18], как ни странно, перемещается с забытых экологических уголков в самый центр современного города. В «каменные джунгли» тесных улиц парадным шествием вторгаются победители-миссионеры. К сожалению, изгнание из публичного пространства массовых религиозных событий слишком напоминает отторжение «иных», которые не заняты рядом с нами теми же повседневными хлопотами: сумасшедших, престарелых, детей с задержкой развития и без родителей. Что касается фактора насилия, то он опирается на принцип «не заметить человека, переступить через него, использовать его как средство сомнительных целей» [19], применять его в отношении традиционных для нашей культуры религиозных событий не стоит.

Библиографический список

1. *Жирар Р.* Насилие и религия: причина или следствие? // Логос. 2008. № 4. С. 129–139.
2. О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: законопроект № 161207-6 // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (АСОЗД). URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
3. Письмо в Совет Государственной Думы // АСОЗД. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
4. СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; 2002. № 12. Ст. 1093; 2003. № 50. Ст. 4855; 2004. № 27. Ст. 2711; 2008. № 30. Ст. 3616; 2011. № 27. Ст. 3880.
5. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избр. полит. статьи, выступления и интервью. М., 2002.
6. Заключение Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству на проект федерального закона № 161207-6 // АСОЗД. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
7. Заключение Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций по проекту федерального закона № 161207-6 // АСОЗД. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
8. Отзывы на проект федерального закона № 161207-6 // АСОЗД. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=161207-6>
9. *Архангельский А.* Пояс Богородицы как точка пересечения параллельных России // РИА «Новости». URL: http://ria.ru/tv_authors/20111124/497021617.html
10. Религии в обществе риска: ценности, системы, стратегии: курсы лекций. М., 2012.
11. *Куряев А.* Почему православные такие «упертые»? // Библиотека Svitk.ru. URL: http://svitk.ru/004_book_book/2b/499_kuraev-pohemu-pravoslavnie-takie.php
12. *Орлов М.О.* Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009.
13. Российские звезды просят запретить публичный забой животных на Курбан-байрам // В Москве. URL: http://www.newsmsk.com/article/19Nov2010/zaboy_zapretit.html
14. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о рели-

гиозных объединениях / М.О. Шахов, ин. Ксения (О.А. Чернега), В.В. Ряховский, Т.В. Вагина, А.Е. Себенцов и др.; под ред. Р.В. Маранова. М., 2011.

15. Ильина В. Госдума обсуждает «человеческие жертвоприношения»: ЛДПР отправит секту хлыстов и флагеллантов в резервации, чтобы не смущали народ // Islam News. URL: <http://www.islamnews.ru/news-137156.html>

16. Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А. Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2010.

17. Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 54–64.

18. Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. М., 2008.

19. Гражданское общество: истоки и современность / под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. СПб., 2006.

A.N. Sergeev
Secular and Atheistic Models
of the Relationship between
Church and the State
in the Scientific and Political
Thought

The relationship between the state and religion in historical periods of the Russian state is considered. The key concepts associated with comparing models of the secular state in conceptions of various authors. The author argues the need to introduce the term “anti-religious ideocracy” for a political science conceptual apparatus to denote the corresponding model of the state and church relations.

Key words and word-combinations: secular state, secular quasi-religion, anti-religion ideocracy.

Рассматриваются государственно-церковные отношения, свойственные разным историческим периодам Российского государства. Анализируются ключевые концепты сопоставления моделей секулярного государства в трудах различных исследователей. Автор предлагает введение в понятийный политологический аппарат термина «антирелигиозная идеократия» для обозначения соответствующей модели государственно-церковных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: секулярное государство, квазирелигия, антирелигиозная идеократия.

УДК 342.4
ББК 67.400.2+67.400.4

А.Н. Сергеев

СЕКУЛЯРНАЯ
И АТЕИСТИЧЕСКАЯ
МОДЕЛИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

В современном политико-правовом сознании утвердилось положение о необходимости отделения церкви от государства и, соответственно, о нормативно-правовом закреплении светского характера последнего. Однако на протяжении истории борьба между тенденциями секуляризма и клерикализма принимала самые разные формы, подчас крайне радикальные. Огромное значение имеет попытка теоретического постижения многообразия секулярных феноменов, поскольку уроки истории, преподнесенные прошедшим столетием, свидетельствуют о необходимости поиска мирных форм сосуществования религии и государства, не нарушающего права и свободы человека в поликонфессиональ-